

«Серая зона» и гибридные действия

Питер Добиас, Кайл Кристенсен

Управление НИОКР МО Канады, Центр оперативных исследований и анализа, Оттава, Онтарио, <http://www.drdc-rddc.gc.ca>

Аннотация: Военные операции в серой зоне (определяемой здесь как промежуток между миром и войной, где государства действуют в конкурентном континууме) представляют особую сложность для военных стратегов. Потенциальные противники, хорошо знакомые с обычными летальными возможностями НАТО, безнаказанно используют область ниже летального порога конфликта для достижения своих целей. Чтобы вернуться к эффективному сдерживанию, НАТО должна выработать способность не дать противникам возможности беспрепятственно действовать в этой зоне ниже неядерного конфликта. Для этого нужно создать издержки для противника, действующего ниже летального порога открытого конфликта, в разных сферах, на тактическом, оперативном и стратегическом уровне. Промежуточные силовые возможности (Intermediate Force Capabilities, IFC) – тот инструмент, который обеспечивает эффективные средства тактического и оперативного реагирования ниже летального порога и может эффективно формировать условия во всех сферах, вплоть до стратегического уровня.

Ключевые слова: серая зона, гибридные угрозы, некинетический, нелетальный, изоляция района боевых действий, ограничение и воспрепятствование доступа и манёвра, конкурентный континуум, порог, неядерный конфликт, промежуточные силовые возможности.

Вступление

Международная безопасность сегодня: гибридные угрозы и серая зона

При исследованиях международной безопасности в последние годы всё больше внимания обращают на так называемые гибридные угрозы и серую

зону.¹ В недавнем исследовании RAND серая зона определяется как «оперативное пространство между миром и войной, с применением мер принуждения для изменения статус-кво ниже порога, который в большинстве случаев вызывает конвенциональную военную реакцию, часто – путём размывания границы между военными и невоенными действиями и усложнения определения ответственности».²

По большинству признаков «принудительные действия», в которых сочетаются военные и невоенные акции, характеризуют как гибридные угрозы. Фрэнк Хоффман определяет гибридные угрозы так:

полный спектр разных видов ведения боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования, теракты, в том числе – неизбирательное насилие и принуждение, и криминальный хаос. Гибридные войны могут вести как государства, так и разные негосударственные субъекты. Такие разнообразные действия могут вести разные подразделения или одно и то же подразделение, но обычно они оперативно и тактически направляются и координируются на театре боевых действий для достижения синергии в физическом и психологическом аспектах конфликта.³

Определение Хоффмана получило признание, потому что в нём учтены не только действия, несущие гибридную угрозу, но и потенциальные игроки и их намерения. Оно также согласуется с определением серой зоны, так как включает все элементы государственной власти, действия, намеренно остающиеся ниже уровня применения силы государством, обычно организованно синхронизируемые и координируемые по задачам.⁴

---

¹ Также используют термины «иррегулярный», «асимметричный», «неконвенциональный», «неограниченный», «нелинейный», «нетрадиционный», «нового поколения», «следующего поколения», «полного спектра», «политическая война», «юридическая война», «во всех сферах».

² Lyle J. Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019), 8, www.rand.org/pubs/research_reports/RR2942.html.

³ Frank G. Hoffman, *Conflict in the 21st Century: Hybrid Wars* (Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007), 8, https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf; и Frank G. Hoffman, “Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges,” *PRISM* 7, no. 4 (2018): 30-47, <https://www.jstor.org/stable/26542705>.

⁴ Frank G. Hoffman, “The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War,” in *2016 Index of U.S. Military Strength: Assessing America’s Ability to Provide for the Common Defense*, ed. Dakota L. Wood (Washington, DC: The Heritage Foundation, 2016), по состоянию на 10 сентября 2020, https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-10/2016_IndexOfUSMilitaryStrength_The%20Contemporary%20Spectrum%20of%20Conflict_Protracted%20Gray%20Zone%20Ambiguous%20and%20Hybrid%20Modes%20of%20War.pdf; U.S. Department of Defense, *Quadrennial Defense Review Report* (February 2010), https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf; и Hal Brands, “Paradoxes of the Gray Zone,” *E-NOTES* (Foreign Policy

В конечном счёте намеренное применение гибридной тактики, приёмов и возможностей призвано создать стратегические, оперативные и/или тактические дилеммы для противника. Цель состоит не столько в том, чтобы бросить вызов противнику в прямой конфронтации,⁵ сколько в том, чтобы ограничить доступные ему варианты, тем самым расширяя оперативную свободу своих действий между миром и войной. Поскольку эти действия не достигают порога вооружённого конфликта, они ставят оппонентов в тупик (военные, дипломатические, политические «руки» государства связаны), вынуждая их либо принять новый статус-кво, либо применить силу для разрешения этой дилеммы. Пребывание ниже порога применения силы и избегание прямой конфронтации с противником позволяет более слабым государствам противостоять более сильным, потому что им уже не нужно бороться с превосходящим противником при прямой конфронтации.⁶

Использование гибридных угроз предусматривает применение всех элементов государственной власти и управление их вертикальной и горизонтальной эскалацией (деэскалацией).⁷ Наиболее наглядными примерами таких подходов сейчас являются Россия, Китай и Иран.⁸ Россия, Китай и Иран понимают отношения между государствами как «континуум конфликта», или «конкурентный континуум», в котором промежуток между миром и войной – это просто область конфликта другими средствами. Россия и Китай сочетают разные элементы государственной власти (экономическое принуждение, политическое влияние, специальные методы ведения войны, информационные и кибероперации) для продвижения своих интересов так,

---

Research Institute, February 5, 2016), по состоянию на 27 сентября 2020, <https://www.fpri.org/article/2016/02/paradoxes-gray-zone/>.

⁵ Andrew Krepinevich, Barry Watts, and Robert Work, *Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge* (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003), <https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf>.

⁶ Institute of Defence and Strategic Studies, “Countering Anti-Access/Area Denial Challenges: Strategies and Capabilities,” Event Report (Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, December 1, 2017), https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/04/ER180424_Counter-Access.pdf.

⁷ Erik Reichborn-Kjennerud and Patrick Cullen, “What Is Hybrid Warfare?” *Policy Brief* (Oslo: Norwegian Institute for International Affairs, January 2016).

⁸ Reichborn-Kjennerud and Cullen, “What Is Hybrid Warfare?”; Peter Hunter, “Political Warfare and the Grey Zone,” in *Projecting National Power: Reconciling Australian Air Power Strategy for an Age of High Contest*, Special Report 142 (Barton, Australia: Australian Strategic Policy Institute, August 2019), <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-08/SR%20142%20Projecting%20national%20power.pdf>; и James K. Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare,” *Connections: The Quarterly Journal* 15, no. 2 (2016): 73-87, <http://dx.doi.org/10.11610/Connections.15.2.06>.

что у противника нет действенного ответа.⁹ Подход Ирана больше сосредоточен на военно-технических аспектах, но его конечная стратегическая цель всё та же: сдерживать, воспретить, усложнить доступ противника к геостратегически важным районам. Несмотря на явное сходство действий России, Китая и Ирана в серой зоне, есть и очевидные отличия.¹⁰

Стратегические соперники и вызовы в серой зоне

Россия – «Стратегия ограниченных действий»

Поход России к серой зоне иногда упрощенно называют «доктриной Герасимова».¹¹ В своей статье 2013 г. «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий» начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал Валерий Герасимов отметил, что сами «правила войны» изменились: «Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия».¹² Акцент конфликта смещается «... в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер ... с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций».¹³ К открытому применению силы, обычно под видом миротворческой деятельности, переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте.¹⁴

Много спорят о том, существует ли доктрина Герасимова на самом деле. Ряд учёных, включая Майкла Кофмана, Роджера Макдермотта и Марка Галеотти, сомневаются, что статья генерала Герасимова – это доктрина с планом действий российских военных в Украине и постоянного соперничества с Западом.¹⁵ В худшем случае, по мнению Галеотти, цепляние за неточное

---

⁹ Sydney J. Freedberg Jr., "Cyber Warfare in the Grey Zone: Wake up, Washington," *Breaking Defense*, April 9, 2019, <https://breakingdefense.com/2019/04/cyber-warfare-in-the-grey-zone-wake-up-washington/>.

¹⁰ Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone*.

¹¹ Ofer Fridman, "On the 'Gerasimov Doctrine': Why the West Fails to Beat Russia to the Punch," *PRISM* 8, no. 2 (2019), по состоянию на 5 декабря 2021, https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/prism/prism_8-2/PRISM_8-2_Fridman.pdf.

¹² Валерий Герасимов, «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий», <https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

¹³ Герасимов, «Ценность науки в предвидении».

¹⁴ Герасимов, «Ценность науки в предвидении».

¹⁵ M. Kofman, "Russia's armed forces under Gerasimov, the man without a doctrine," *RIDDLE Russia* (4 January 2020), по состоянию на 10 сентября 2021, www.ridl.io/

применение доктрины Герасимова «ограничивает и уводит нас в сторону при попытках понять и, соответственно, бороться» с нынешним русским военным мышлением и планированием.¹⁶ Но невзирая на миф о включении доктрины Герасимова в российскую военную стратегию и оперативное планирование, в статье освещаются важные концептуальные глобальные тенденции современного военно-стратегического мышления.

Например, концепции и подходы, изложенные в статье, показывают, что современный «конфликт» развивается путём сочетания элементов государственной власти для достижения политических целей без необходимости прибегать к использованию открытой военной силы (хотя использование тайных и полувоенных формирований допустимо), что включает использование и манипулирование информационными и техническими средствами.¹⁷ Как сказал Верховный главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО (ВГК ОВС НАТО) в Европе генерал Филип Бридлав, российская кампания в Украине была «...самым удивительным информационным блицкригом, который мы когда-либо видели в истории информационных войн».¹⁸

Таким образом, России не обязательно соперничать с превосходящим её в военном отношении Западом. Ей нужно эффективно действовать лишь в определенных сферах или областях и сохранять присутствие в районах, считающихся геостратегически важными.¹⁹ Сочетая разные элементы мощи государства, Россия может контролировать подготовку конкурентного континуума (ранее говорили – «обеспечивать поле боя»), применять избранную тактику эскалации и деэскалации и использовать разные сферы зоны конфликта для достижения преимущества.²⁰

Китай – Активная оборона

Китайскую стратегию противоборства в серой зоне можно описать понятием «активная оборона». Эта концепция впервые была сформулирована высшим военным руководством в конце 1930-х гг. и стала основой военной

---

en/russia-s-armed-forces-under-gerasimov-the-man-without-a-doctrine; R.N. McDermott, “Does Russia have a Gerasimov Doctrine?” *Parameters* Spring 2016; 46(1): 97-105.; и M. Galeotti, “I’m sorry for creating the ‘Gerasimov Doctrine’,” *Foreign Policy* (5 March 2018), по состоянию на 28 марта 2021, <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/>.

¹⁶ Galeotti, “I’m sorry for creating the ‘Gerasimov Doctrine’.”

¹⁷ Герасимов, «Ценность науки в предвидении»; Arthur N. Tulak, “Hybrid warfare and new challenges in the information environment,” 5th Annual Information Operations Symposium, Honolulu, Hawaii, 20-22 October 2015.

¹⁸ Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare,” 77.

¹⁹ Institute of Defence and Strategic Studies, “Countering Anti-Access/Area Denial Challenges.”

²⁰ Kathleen H. Hicks, “Russia in the Gray Zone,” *Commentary* (Center for Strategic and International Studies, July 25, 2019), <https://www.csis.org/analysis/russia-gray-zone>.

стратегии Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г.²¹ Согласно ежегодному докладу Министерства обороны (МО) США Конгрессу об обороне и безопасности КНР, активная оборона основана на принципах стратегической обороны в сочетании с наступательными действиями на оперативном и тактическом уровне. Она исходит из принципа избегать начала вооружённого конфликта, но дать силовой отпор в случае вызова, или придерживаться позиции «мы не нападаем, пока на нас не нападут, но обязательно контратакуем, если нас атакуют».²²

Хотя взгляды Китая на активную оборону в целом неизменны с 1949 г., после холодной войны Коммунистическая партия Китая (КПК) стала чаще пересматривать принципы военной стратегии. Так, в 1993 г. Цзян Цзэминь поручил Народно-освободительной армии Китая (НОАК) готовиться побеждать в «локальных войнах» в «условиях высоких технологий».²³ Цзян Цзэминь пересмотрел принципы военной стратегии НОАК, увидев полное доминирование США в войне в Персидском заливе 1991 г., к которой, по признанию НОАК, она совершенна не была готова.²⁴

В 2004 г. Ху Цзиньтао ориентировал военных учиться побеждать в «локальных войнах в условиях информатизации», а в 2014 г. Си Цзиньпин обратил внимание на ведение и выигрыш «информатизованных локальных войн».²⁵ Эти изменения вновь стали ответом на растущую роль и значение информационных операций (ИО) в таких странах, как Ирак, Афганистан, Сирия, Украина и т.д. Аналогично взглядам на современную войну в России, военно-политическое руководство Китая признало, что сама война фундаментально изменилась. По сути, Пекину пришлось принять такой подход к ведению войны, при котором более слабая страна (то есть Китай) может противостоять и даже защитить себя в высокотехнологическом конфликте со США.²⁶

---

²¹ M. Taylor Fravel, *Active Defense: China's Military Strategy since 1949*, Book 2 (Princeton University Press, April 2019).

²² Fravel, *Active Defense: China's Military Strategy since 1949*.

²³ Gurmeet Kanwal, *China's New War Concepts for 21st Century Battlefields* (Institute of Peace and Conflict Studies, July 1, 2007), по состоянию на 5 декабря 2021, www.ipcs.org/issue_briefs/issue_brief_pdf/1577903632IPCS-IssueBrief-No48.pdf.

²⁴ Qiao Liang and Wang Xiangsui, *Unrestricted Warfare* (Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, February 1999), <https://www.c4i.org/unrestricted.pdf>.

²⁵ M. Taylor Fravel, "China's New Military Strategy: 'Winning Informationized Local Wars'," *China Brief* 15, no. 13 (Jamestown Foundation, July 2015), по состоянию на 7 декабря 2021, <https://jamestown.org/program/chinas-new-military-strategy-winning-informationized-local-wars/>.

²⁶ Чтобы подчеркнуть этот момент, в последнем докладе МО Конгрессу об обороне и безопасности КНР указано: «Новые возможности и концепции НОАК ещё больше усиливают способность КНР «вести и выигрывать войны» против «сильного врага» [вероятно, имея в виду США]». Office of the Secretary of Defense, *Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2021* (U.S. Department of Defense, November 2, 2021),

Для решения этой задачи Пекин продолжает модернизацию армии, развитие и качественное и количественное наращивание традиционных военных возможностей, нужных не только чтобы «вести и выигрывать» современные «информатизованные» войны, но и для поддержки действий Китая в серой зоне. Поэтому обычная военная мощь важна для сдерживания других государств от вмешательства во внутренние дела (и особенно в жизненные интересы) Китая и сохранения его способности угрожать эскалацией применения обычных вооружённых сил.²⁷

Одновременно в командовании НОАК подчёркивали необходимость применения угроз и (или) насилия ниже уровня вооружённого конфликта против государств и других субъектов для защиты суверенитета и национальных интересов Китая.²⁸ Пекин стремится достигать национальных целей политическими манёврами (дипломатическим давлением, дезинформацией, беспокоящими действиями) и угрозами, а не участием в рискованной и дорогой прямой физической конфронтации. Соответственно, стратегия предусматривает использование различных средств, как военных, так и не военных, для нанесения удара по врагу до и во время конфликта,²⁹ включая хакерство, подрыв банковских систем, рынков, валютные манипуляции (финансовую войну), дезинформацию в СМИ, городские бои и даже терроризм.³⁰

Самое главное, что именно взаимодействие – или смешение – нетрадиционной и традиционной военной тактики вместе с угрозами (скрытыми или явными) использования обычных вооружённых сил делает опасным китайский подход к серой зоне. Особенно яркий пример такого подхода можно увидеть в Южно-Китайском море, где Пекин неоднократно эффективно сочетал традиционные и нетрадиционные силы (военные, правоохранительные и военизированные формирования) и тактику (размывая различие между военной и полицейской деятельностью) для достижения синергетического эффекта.³¹

Китай использует «иррегулярные морские силы», в данном случае – поощряемых государством рыбаков-ополченцев, которые не относятся ни к

<https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF>; и Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*.

²⁷ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*; и *China's National Defense in the New Era* (The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019), http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

²⁸ Office of the Secretary of Defense, *Annual Report to Congress 2021*.

²⁹ Alessio Patalano, "When Strategy Is 'Hybrid' and not 'Grey': Reviewing Chinese Military and Constabulary Coercion at Sea," *Pacific Review* 31, no. 6 (2019): 811-839, <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513546>.

³⁰ Wither, "Making Sense of Hybrid Warfare"; Fravel, "China's New Military Strategy."

³¹ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*; Patalano, "When Strategy Is 'Hybrid' and not 'Grey'."

торговому флоту, ни к обычным рыбакам. Эндру Эриксон и Конор Кеннеди называют эти иррегулярные силы «морским ополчением».³² Эти военизированные формирования действуют с заранее спланированными ролями, в тесной координации с другими морскими силами Китая (Береговая охрана, Управление по безопасности мореплавания и (или) ВМФ НОАК).³³ Использование на море ополчения под видом рыбаков требует развёртывания военно-морских сил (т.е. угрозы применения силы), в данном случае – ВМФ НОАК, для их поддержки. Китай неизменно демонстрировал готовность угрожать и применять силу, пусть ограниченно, в поддержку своего морского ополчения для отпугивания гражданских и военных судов.³⁴ Такое использование военных и военизированных формирований в серой зоне затрудняет реагирование и/или противодействие флотов и береговой охраны стран региона действиям Китая в регионе.³⁵

Иран: ограничение и воспреещение доступа и манёвра, войны чужими руками

Использование Ираном серой зоны предусматривает применение стратегии ограничения и воспреещения доступа и манёвра (A2/AD) при прямой конфронтации и использование марионеток и иррегулярных средств (кибер, терроризм) для достижения целей, отрицая своё участие.³⁶ A2 означает недопущение или ограничение возможности переброски вооружённых сил на ТВД. AD означает недопущение или лишение свободы действий сил, уже размещённых на театре, при использовании баз (постоянных, морских, мобильных и т.д.) для ведения операций.³⁷ Цель стратегии A2 – не дать войскам попасть на ТВД, а AD – лишить их свободы действий, необходимой для ведения операций там.

---

³² Andrew S. Erickson and Conor M. Kennedy, “Tanmen Militia: China’s ‘Maritime Rights Protection’ Vanguard,” *The National Interest*, May 6, 2015, <https://nationalinterest.org/feature/tanmen-militia-china-s-maritime-rights-protection-vanguard-12816>; Andrew S. Erickson and Conor M. Kennedy, “Irregular Forces at Sea: Not ‘Merely Fishermen’ – Shedding Light on China’s Maritime Militia,” *Center for International Maritime Security*, November 2, 2015, accessed April 29, 2020, <http://cimsec.org/new-cimsecseries-on-irregular-forces-at-sea-not-merely-fishermen-shedding-light-on-chinas-maritime-militia/19624>.

³³ Erickson and Kennedy, “Irregular Forces at Sea: Not ‘Merely Fishermen’.”

³⁴ ABS-CBN News, “PH Verifying Reported Chinese Harassment of Local Fishers,” April 20, 2017, <https://news.abs-cbn.com/news/04/20/17/ph-verifying-reported-chinese-harassment-of-local-fishers>; и “South China Sea Incident Tracker,” *CSIS iDeas Lab* (Center for Strategic and International Studies), по состоянию на 27 сентября 2020, <https://csis-ilab.github.io/cpower-viz/csis-china-sea/>.

³⁵ Erickson and Kennedy, “Tanmen Militia.”

³⁶ Ariane M. Tabatabai and Colin P. Clarke, “Iran’s Proxies Are More Powerful Than Ever,” Commentary, *TheRANDblog*, October 16, 2019, по состоянию на 5 декабря 2021, www.rand.org/blog/2019/10/irans-proxies-are-more-powerful-than-ever.html.

³⁷ Andrew F. Krepinevich, “Why AirSea Battle?” (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010), <https://csbaonline.org/uploads/documents/20>

В рамках этой стратегии Иран использует свои военно-морские, военно-воздушные и ракетные силы, а также военизированные и другие тайные формирования, чтобы либо контролировать самому либо лишить других доступа к Ормузскому проливу. Иран разработал/разрабатывает различные системы вооружения, включая быстроходные катера, ударные/ракетные корабли, подводные лодки, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) малой дальности, «умные мины», ракетные системы большой дальности, высокоточные боеприпасы, береговые противокорабельные ракеты (ПКР) и крылатые ракеты (КР), системы загоризонтного наведения, ударную авиацию большой дальности, береговую артиллерию, зенитно-ракетные комплексы и даже баллистические ракеты, чтобы концентрировать силы, беспокоить, пресекать, контролировать, блокировать и атаковать военные и гражданские суда в регионе. Последние данные показывают, что для реализации своей стратегии A2/AD Иран может использовать передовые технологии, в частности, спутниковые, глушение глобальной системы позиционирования (GPS) и кибератаки.³⁸

В отличие от доктрины Герасимова и активной обороны, использование серой зоны Ираном в плане военно-технических решений определяется уже, но комплексная угроза от этих многоуровневых систем может затруднить проход Ормузского пролива и проведение морских операций военно-морских сил.³⁹ То есть, аналогично доктрине Герасимова и активной обороне, Иран не должен быть самым сильным участником конфронтации – он просто должен быть достаточно силён, чтобы не дать противнику получить доступ к театру военных действий и/или вести операции в регионе.⁴⁰

Важным аспектом иранской стратегии A2/AD является то, что она сочетает традиционные элементы (скоростные катера и ПКР) с высокотехнологическими (глушение GPS), скрытыми, тайными (грузовые суда/машины для пуска противокорабельных КР, использование марионеточных сил). Иран будет придерживаться этого подхода, сочетающего передовые технологии, тактику «морских партизан» и традиционную войну на море, чтобы препятствовать, контролировать и угрожать проходу через Ормузский пролив.⁴¹

10.02.19-Why-AirSea-Battle.pdf; и Krepinevich, Watts, and Work, *Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge*.

³⁸ Ian W. Gray, “Cyber Threats to Navy and Merchant Shipping in the Persian Gulf,” *The Diplomat*, May 5, 2016, <https://thediplomat.com/2016/05/cyber-threats-to-navy-and-merchant-shipping-in-the-persian-gulf/>.

³⁹ Defense Intelligence Agency, *Iran Military Power*.

⁴⁰ Anthony H. Cordesman and Aaron Lin, *The Iranian Sea-Air-Missile Threat to Gulf Shipping* (Centre for Strategic and International Studies, February 2015), https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/150219_Cordesman_IranAirSeaMissileThreat_Web.pdf.

⁴¹ United States Institute of Peace, “Timeline: US-Iran Naval Encounters,” *The Iran Primer*, August 29, 2016, updated January 22, 2018, <https://iranprimer.usip.org/blog/2016/aug/29/timeline-us-iran-naval-encounters>; International Crisis Group, “Strait of Hormuz,” *Flashpoint*, April 23, 2020, по состоянию на 10 сентября 2020,

Вторым важным аспектом подхода Ирана к гибридным атакам в серой зоне является использование марионеток. В недавнем исследовании Центра стратегических и международных исследований отмечено, что:

Тегеран имеет влияние на Ближнем Востоке за счет использования негосударственных партнёров, несмотря на возобновление американских санкций против Ирана и выход США из ядерной сделки. Экономические проблемы Ирана не помогли снизить активность в регионе, по крайней мере, пока. Во всяком случае, иранские лидеры, похоже, всё так же хотели бы действовать на Ближнем Востоке нестандартными методами.⁴²

Численность сил иранских марионеток, обученных, оснащенных и координируемых Ираном, составляет от 140 000 до 190 000. Хотя они активно продвигают стратегические цели Ирана, Тегеран не контролирует их полностью – так задумано. Иран никогда не пытался поставить их в полную зависимость. Вместо этого Иран старался помочь этим группировкам стать более самостоятельными, позволив им интегрироваться в политические и экономические процессы своих стран и даже создать собственную военную промышленность, что уменьшает их зависимость от поставок из Ирана.⁴³ Тем не менее Иран очень эффективно использовал этих марионеток в борьбе за влияние на Ближнем Востоке как с Израилем, так и с Саудовской Аравией.⁴⁴

Общий обзор нынешней ситуации в области безопасности

Хотя использование серой зоны (т.е. пространства ниже порога вооружённого конфликта) и деятельность A2/AD сами по себе не новы,⁴⁵ их широкое применение Россией, Китаем и Ираном во всех сферах и всеми средствами в последние годы ставит уникальные задачи перед стратегами. Анализ подходов России и Китая к действиям в серой зоне показывает, что Россия в целом больше внимания обращает на информационно-пропагандистские

<https://www.crisisgroup.org/trigger-list/iran-us-trigger-list/flashpoints/hormuz>; Mark Gunzinger and Christopher Dougherty, *Outside-In: Operating from Range to Defeat Iran's Anti-Access and Area-Denial Threats* (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2011), <https://csbaonline.org/research/publications/outside-in-operating-from-range-to-defeat-irans-anti-access-and-area-denial>.

⁴² Seth G. Jones, "War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East," *CSIS Briefs* (Center for Strategic & International Studies, March 11, 2019), по состоянию на 5 декабря 2021, <https://www.csis.org/analysis/war-proxy-irans-growing-footprint-middle-east>.

⁴³ Tabatabai and Clarke, "Iran's Proxies Are More Powerful Than Ever."

⁴⁴ Nakissa Jahanbani, "Reviewing Iran's Proxies by Region: A Look Toward the Middle East, South Asia, and Africa," *CTC Sentinel* 13, no. 5 (May 2020): 39-49, <https://ctc.westpoint.edu/reviewing-irans-proxies-by-region-a-look-toward-the-middle-east-south-asia-and-africa/>; и F. Gregory Gause III, "Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War," *Brookings Doha Center Analysis Paper*, no. 11 (July 2014), 11, www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/english-pdf-1.pdf.

⁴⁵ James Lacey, "Battle of the Bastions." *War on the Rocks*, January 9, 2020, <https://warontherocks.com/2020/01/battle-of-the-bastions/>.

операции. Китай менее сдержан в обдуманном реальном применении силы, пусть и ограниченной. При реальной конфронтации Россия и Китай использовали тактику запугивания, например, пролеты над кораблями на малых высотах или опасное сближение с самолетами союзников. Китай, однако, демонстрировал готовность применить реальную силу, используя морское ополчение, не только для отпугивания и тарана гражданских и военных кораблей, но и для их обстрела.⁴⁶ Даже такие страны-изгои, как Иран, демонстрировали готовность использовать военизированные формирования, чтобы воспрепятствовать судоходству союзников в Персидском заливе, Ормузском проливе и Оманском заливе.⁴⁷

Главное в этих подходах к противостоянию в серой зоне – то, что гибридная тактика в серой зоне синхронизирована, срежиссирована и, в значительной степени, спланирована и управляема. Как подчёркивают Эрик Рейхборн-Ченнеруд и Патрик Каллен, гибридную тактику в серой зоне легче понять, рассмотрев разные характеристики возможностей игроков, методы и результаты их применения.⁴⁸

При использовании всех элементов власти способность к вертикальной и горизонтальной эскалации усиливает возможность достижения стратегических результатов. Для этого нужно не только единство усилий разных элементов государственной власти, но и определенная степень централизованного оперативного управления и стратегической координации между элементами. Поэтому хотя повышение летальности тоже важно, мы утверждаем, что так же важно развивать возможности, позволяющие союзным и коалиционным силам реагировать на ситуации без вооруженной конфронтации, единым, выверенным и синхронизированным образом.

Сегодня НАТО и их союзники мало что могут сделать, чтобы удержать противников от враждебных действий ниже порога открытого конфликта. Даже при обсуждении сдерживания обычными средствами в случае открытой военной агрессии существует консенсус в отношении того, что сдерживание через возмездие (т.е. повышение издержек для противника постфактум) не будет эффективным.⁴⁹ Хотя сдерживание через возмездие по-прежнему применимо при ядерной конфронтации, можно утверждать, что появ-

⁴⁶ ABS-CBN News, “PH Verifying Reported Chinese Harassment of Local Fishers.” См. еще “South China Sea Incident Tracker.”

⁴⁷ Полный список инцидентов в Персидском заливе, Ормузском проливе и Оманском заливе с мая 1984 по январь 2018 гг. см. в United States Institute of Peace, “Timeline: US-Iran Naval Encounters”; дополнительный список инцидентов с 15 июня 2017 г. по 22 апреля 2020 г. см. в International Crisis Group, “Strait of Hormuz.”

⁴⁸ Reichborn-Kjennerud and Cullen, “What Is Hybrid Warfare?” 2.

⁴⁹ Michael Petersen, “The Perils of Conventional Deterrence by Punishment,” *War on The Rocks*, November 11, 2016, <https://warontherocks.com/2016/11/the-perils-of-conventional-deterrence-by-punishment/>.

ление новых обычных военных возможностей/вызовов, транснациональных террористических и криминальных сетей, а также угроз на основе цифровых технологий склонили чашу весов сдерживания в сторону сдерживания через недопущение, т.е. уменьшение предполагаемой выгоды для противника.⁵⁰ В целом для сдерживания нужен чёткий сигнал противнику о способности и готовности дать ответ при достижении некоего порога. Одна из проблем сдерживания враждебных действий в серой зоне заключается в том, что большая часть конфликта происходит в политической сфере, где чёткие сигналы порога летального военного ответа часто отсутствуют, остаются незамеченными или, хуже того, неправильно воспринимаются. Это, конечно, имеет концептуальные и практические последствия.⁵¹

Ряд авторов указывают на необходимость развития способностей, лишаящих противника возможности безнаказанно действовать в серой зоне и тем самым избегать летальной конфронтации со США и НАТО.⁵² Эффективное сдерживание включает политические, экономические и военные средства. К сожалению, просто военного присутствия или угрозы применения летальной силы часто недостаточно для сдерживания злонамеренных действий, на что указывают частые провокации сил противника в отношении войск НАТО. Парадоксально, но отказ от применения силы тактически и оперативно тоже может привести к потерям – потере мобильности, утрате инициативы и даже потерям техники и личного состава сил НАТО. Пользуясь неопределённостью, противник ставит дилемму: «Чрезмерная реакция выглядит упреждающей и непропорциональной, если нет чёткой ответственности за нападение, но отсутствие ответа обрекает государство на смерть от тысячи порезов».⁵³

С этих позиций Промежуточные силовые возможности (IFC) применимы и актуальны для коалиционных операций на тактическом и оперативном уровнях во всех сферах. В условиях, когда противники (государственные и, возможно, негосударственные) пытаются использовать оперативное про-

---

⁵⁰ Alex S. Wilner and Andreas Wenger, eds., *Deterrence by Denial: Theory and Practice* (Cambria Press, 2021), 1-2.

⁵¹ Patrick M. Morgan, *Deterrence: A Conceptual Analysis* (Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1977).

⁵² Katie Crombe, Steve Ferenzi, and Robert Jones, "Integrating Deterrence across the Gray – Making It More than Words," *Military Times*, December 9, 2021, www.militarytimes.com/opinion/commentary/2021/12/08/integrating-deterrence-across-the-gray-making-it-more-than-words/.

⁵³ Bryan Clark, Mark Gunzinger, and Jesse Sloman, *Winning in the Gray Zone: Using Electromagnetic Warfare to Regain Escalation Dominance* (Center for Strategic and Budgetary Assessment, 2017), по состоянию на 5 декабря 2021, [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_\(EMS2_Report\)Final2-web.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_(EMS2_Report)Final2-web.pdf); Andrew Mumford, "Ambiguity in Hybrid Warfare," *Strategic Analysis 24* (NATO Hybrid CoE, September 17, 2020), <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-strategic-analysis-24-ambiguity-in-hybrid-warfare/>.

странство между войной и миром и размыть грань между военными и невоенными действиями, чтобы удержать конфронтацию ниже порога ядерного конфликта, желательно иметь класс вариантов реагирования между бездействием и применением летальной силы. Это тем более важно, что нынешние варианты ответа могут быть политически неприемлемы и позволяют противнику перехватить инициативу и сохранить лицо.

Таким образом, IFC повышают способность НАТО решать проблемы гибридных угроз в серой зоне. Как отмечено в основополагающей концепции ведения войны НАТО:

Отнесение нефизических сфер, таких, как киберпространство и космос, а также всепроникающего информационного пространства к традиционным сферам ведения боевых действий (воздух, земля и море) приводит к появлению многомерного поля боя: физического, виртуального и когнитивного. Разработка эффективной целостной стратегии для всех оперативных сфер многомерного поля боя является ключом к сохранению решающего преимущества над любым противником.⁵⁴

Промежуточные силовые возможности включают широкий спектр возможностей, от физических (как нелетальные системы направленной энергии для радиочастотного противодействия перемещению), электромагнитных, кибервойн и информационных операций до использования сил специального назначения и полицейского патрулирования для поддержания порядка. Безусловно важно иметь и поддерживать традиционные летальные военные возможности для экстремальных ситуаций. Но даже когда применение летальной силы оправдано и желательно, IFC можно использовать для смягчения нежелательных результатов и, таким образом, снижения политических и репутационных издержек для НАТО. Например, IFC можно использовать для изоляции целей и перемещения их из социально или политически опасных мест или районов, где высокий сопутствующий ущерб может представлять проблему.

Вывод

Противники НАТО, хорошо осведомленные об обычных летальных возможностях НАТО, а также о порогах применения летальной силы НАТО, и безнаказанно используют пространство ниже летального порога конфликта для достижения своих стратегических целей. Это создаёт стратегическую дилемму для НАТО, когда та оказывается не способной действовать в промежутке между присутствием и применением летальной силы. Действия в любой из этих крайностей могут повлечь за собой высокие операционные и

---

⁵⁴ John W. Tammen, "NATO's Warfighting Capstone Concept: Anticipating the Changing Character of War," *NATO Review*, July 9, 2021, <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/07/09/natos-warfighting-capstone-concept-anticipating-the-changing-character-of-war/>.

стратегические издержки. Концепция IFC предлагает широкий спектр возможностей, которые могут заполнить этот промежуток. Конечно, важно иметь и поддерживать традиционные летальные военные возможности для экстремальных ситуаций. Однако, как показывает этот стратегический анализ, всё более важно и нужно развивать возможности, которые позволят НАТО и союзным силам реагировать на сложные комплексные атаки в ситуациях, не связанных с вооруженной конфронтацией.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 21, 2022, вышел при поддержке правительства США.

Об авторах

Питер Добиас – см. резюме на с. 9 этого издания, <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.2.00>.

Кайл Кристенсен – стратегический аналитик оборонных исследований и разработок Канады, Центр оперативных исследований и анализа (DRDC CORA), Оттава, Канада. В настоящее время – директор отдела оперативных исследований и анализа (OR&A) Канадского объединенного оперативного командования (CJOC). Предыдущие места исследовательской работы: Объединённый центр анализа и обобщения опыта (JALLC) НАТО, Лиссабон, Португалия; Канадский объединённый центр боевых действий (CJWC), Оттава, Канада; Директорат военно-морской стратегии (DMS), Штаб национальной обороны, Оттава, Канада. Его научный опыт и интересы охватывают арктическую/приполярную безопасность и оборону, морскую безопасность и оборону в Азиатско-Тихоокеанском регионе, безопасность Северной Атлантики/НАТО, а также военные игры, оперативные исследования и анализ. *Электронная почта:* Kyle.Christensen@forces.gc.ca